

КТО-ТО из специалистов-педагогов под- считал, что ежегодно в наших школах тратится от двух до трех миллионов тетрадей на одни только стихи о любви. Не знаю, с какой целью производились эти подсчеты и в каком контексте были они впервые использованы, — что до меня, то я всегда был и остаюсь решительным сторонником творчества наших юных поэтов, даже когда они увлекаются так называемыми интимными темами, то есть, попросту говоря, пишут стихи о любви.

Слово и искусство пользования им — едва ли не самое древнее и самое ценное из всего, чем владело и владеет человечество. Самые величественные памятники, при помощи которых человек пытался осознать мир и себя в этом мире, созданы при помощи слова. Сглаживаются под воздействием ветра и песка контуры египетских пирамид, темнеет белоснежный мрамор великих ваяний, все больше и больше реставраторы трудятся над полотнами великих мастеров Возрождения, но ни «Песнь песней», ни «Илиада», ни многочисленные сказания не заставили нас усомниться в звучности, прочности и емкости слова.

А вместе с великими памятниками человеческого духа дошла до нас и несколько старомодная в наше время слабость человека к стихам. Судя по всему, стихи пишутся и теперь во всем мире. Сочиняют их и у нас, и, учитывая площадь нашего государства, два-три миллиона тетрадок в год, уходящих на писание стихов, — это не так уж много. Ни для кого не секрет, что у нас в самом малом поселке, в самом малом отдаленном селении есть свой поэт, свой философ, свой чудак и мудрец.

Конечно, при нынешней натренированности критической мысли легче всего разнести не совсем зрелые стихи начинающего поэта, но другой раз стоит и пройти через все его несовершенство и подумать: а каково ему живется? Легко ли ему при его незнании, неумении нести звание поэта такой-то школы, такого-то села, такой-то окрестности?

Как и многим моим со- братьям по перу, мне тоже приходится встречаться с читателями, и почти при каждой литературной встрече встает из зала местный поэт, или, если он по природе стеснительный, то почитатели его таланта сами выдают его присутствие, заставляя выйти на трибуну и показывая свое искусство. Хотя, по правде говоря, гораздо интереснее местного поэта выискать самому. Если хорошо всмотреться в лица, то в любой аудитории, особенно в молодеж- ной, можно довольно легко угадать, кто же носит в этих краях трудное бремя вырази- теля дум и чаяний. При всей непохожести, при всем их человеческом разнообра- зии есть в поэтах что-то общее, что-то свое, неповтори- мое, и, встретив его в жизни, помимо своей воли, скажешь: да он же поэт...

Весной этого года, на севере Молдавии, будучи пригла- шенным на встречу со сту- дентами одного из наших сельхозтехникумов, я как-то сразу угадал поэта. Хотя зал был битком набит, и ребята все были сельские, очень по- хожие друг на друга, вырази- тельница их дум, сидевшая вместе со всеми в третьем ряду, как-то резко выделялась из общей массы. Обыкновен- ная смуглая девушка в поно- шенной кофточке, но была ка- кая-то просветленность, ка- кая-то решимость, какая-то печаль в ней была, и еще до того, как узнать ее имя, я по какому-то таинственному зако- нам человеческого общения признал ее за старшую среди своих и уже весь вечер поче- му-то обращался главным об- разом к ней.

Говорили мы в тот ве- чер долго и, что называется, по душам. Техникум счи- тается едва ли не лучшим в Молдавии — добрая треть всех председателей колхозов и агрономов — выпускники этих аудиторий. И мы гово- рили, разумеется, о земле, о хлебе, о будущем крестьян- ства, о прозе, о театре. Смуг- лая девушка из третьего ря- да слушала очень внимательно, иногда согласно кивала головой, другой раз с чем-то не соглашалась, но вместе с тем какая-то неудовлетворен- ность тяготела над ней. Пе- ред окончанием встречи она вдруг встала и спросила:

— Скажите, а как вы от- носитесь к стихам?

К стихам я относился хо- рошо. К сожалению, своих у меня не было, чужие плохо помнил, но, поскольку была весна и в зале сидели одни молодые, я предложил: мо- жет, кто из них почитает сти- хи? Может, свои, местные по- эты выступят? Тут-то и под- твердилось, что смуглая де- вушка в третьем ряду — по- эт, хотя выйти на сцену от- казалась наотрез.

— У меня стихи о любви.

Зад замер. Начинался ин- тересный диалог между дву- мя литераторами — один на трибуне, другой в зале. Один сослался на то, что, мол,

у него стихи о любви — посмотрим, что ему на это ответят. Положение было бо- ле чем деликатное. Уговари- вать или тем более настаивать, чтобы девушка прочла свои стихи, я, разумеется, не мог, но и уйти от разговора было нельзя. Оставив на ее усмотрение, читать ей стихи или не читать, я сказал, что каждая профессия имеет свои сложности, свои подводные течения. Художники слова, особенно поэты, выносят в мир все самое близкое, самое сокровенное, и этого не нуж- но стыдиться, потому что на каком-то этапе творчества все, что еще недавно было твоим, кровным, становится общим; биография одного че- ловека переплавляется в био- графию целого поколения. В этом адская мука, но и вели- кое счастье нашей профес- сии. Многие именитые поэты, читающие стихи о любви, не выказывают при этом каких-либо неудобств — я и сам, хоть стихов не пишу, но из- редка в своих сочинениях за- трагиваю те периоды в жиз-

водить все мыслимые в де- ревные машины — трактор, комбайн, автомобиль.

— Стихи о ревности не нужно пропускать, — вдруг сказала она клок, все раз- глядывая павлинов. — Они мне дорого дались.

— Откуда вы знаете, про- пускаю я или не пропускаю стихи о ревности?

— По шороху страниц угадываю.

А страницы ее книги ме- жду тем ярким пламенем пылали в моих руках. Не помню, все ли там было в ладу с грамматикой, с раз- мером, с рифмами, но столь- ко страсти, столько нежно- сти, столько стойкости я дав- но уже не встречал в книгах наших профессиональных по- этов. Поэма начиналась большим вступлением под названием «Девичьи грезы», потом шла главка «Вишня у моих ворот», и уже новое вступление в поэму, потом цикл стихов под названием «Миг и вечность ожидания», и вот третье вступление к

Они прогуляли долго, чуть ли не до самого утра. Оказа- лось, он хранит у себя все ее записки, но не ответил на них, потому что все это дет- ская лихорадка. Она взреве- ла от обиды и сказала, что это не детская лихорадка, это любовь!.. Он сказал: что ж, может быть, и любовь, но зачем же так торопиться! Разве любовь — это только миг, когда двое в интимной близости познают друг дру- га? Это, конечно, важно, это прекрасно само по себе, но до этого у них еще должен быть долгий путь, после это- го путь предстоит им еще более долгий, и только все это вместе может называться любовью...

И он снова посоветовал ей поступить в техникум. Имен- но в этот техникум. Оттуда выходят хорошие агрономы, сказал он, а агрономы — на- род мудрый. Они понимают, что когда крестьянин сажает зерно в землю, он не прихо- дит на второй же день и не начинает кудахтать над мес- том посадки: а где же саже- нец, а где же цвет, а где же урожай? Всему в мире при- сущи определенные ритмы, определенное время, и лю- бовь, так же, как и посадка деревьев, означает неболь- шой уход и очень, очень дол- гое ожидание...

— А отвечать на мои письма будете?

Он пообещал, и она гово- рит, что поступила в техни- кум главным образом для того, чтобы узнать, что же он ответит на ее письма. Те- перь годы учебы прошли — она на четвертом курсе, кон- чает вот-вот, но конца этому роману не видать, потому что техникум направляет ее в институт как свою лучшую студентку, да и сам он сове- тует поступать в институт, потому что у нее вдруг от- крылись редкие способности биолога...

— Послушайте, но сколь- ко же можно писать друг другу письма?

— А мы их уже давно не пишем. Пять-шесть дней про- ходят мигом, а по воскресе- ньям мы встречаемся...

— Каким же образом вы встречаетесь? Разве он мо- жет приехать, что ни воскресе- нье, с самого юга!

— Подумаешь, триста ки- лометров! Сел за руль и че- рез пять-шесть часов...

— У него есть машина?

— «Жигули». Он у нас те- перь директор школы.

— Но ведь институт — это снова четыре или пять лет...

— Зато это ближе — Ки- шинев же совсем рядом...

У меня вертелся на языке еще какой-то вопрос относи- тельно характера их взаимо- отношений, но в руках у ме- ня была книжка ее стихов, и большего спрашивать не может никто, даже бог. Пре- жде чем вернуть книгу, я спросил:

— Ни разу еще не печа- тались?

— Нет. Я славы большой не хочу.

— Ну, после первых сти- хов, я не думаю, что может на вас накатить такая уж большая слава...

— А мне и маленькой не нужно. Эту книжку я оза- главила «Он» и написала ее специально для Него.

— Что же, больше ее ни- кто и не читал?

— Никто. Я и вам бы не показала эти стихи, но вспо- мнила, что в школьном учеб- нике есть ваш рассказ про муравья, и подумала: а что если и вам показать стихи?..

О

Обратно я возвращался поздней ночью, по дождю. Разобиженный шофер мол- ча вцепился в баранку и ду- мал свою нехорошую дум- ку про нашего брата, лите- ратора. Сидя рядом с ним, я слушал, как барабанит дождь по крыше машины, и перебирал про себя те два или три миллиона тетрадок, которые что ни год идут на стихи о любви. Не зная, кто и с какой целью произвел эти подсчеты, я тем не ме- нее на стороне ребят, пишу- щих стихи, в том числе и стихи о любви. Любят своих матерей, любят свою землю, свой народ, любят голубиз- ну неба и глаза той единст- венной, имя которой и не вы- скажешь сразу. Чувства любви kloкочут, они проры- ваются, они требуют своего словесного оформления, и это одно из самых человече- ских проявлений нашего бы- тия. У истоков жизни стоят не только сеющие хлеб и за- пускающие корабли в кос- мос. Любят школьники, попы- тавшийся облечь в красивую словесную формулу первый трепет своей души, под- тверждающий незыблемость человеческого рода. И если вы в какой-нибудь ненастный день встретите по дороге школьника и какое-то чутье подскажет вам, что он буду- щий поэт, что в его портфе- ле лежат только что напи- санные стихи, не спешите снисходительно улыбнуться при этом. Подумайте лучше над тем, что этот мальчик стоит у порога одного из са- мых вечных и древних ис- кусств и на его хрупких пле- чики теперь легла незыбле- мость и непременимость чело- веческого существования.

Ион ДРУЦЭ

Стихи о любви

ни своих героев, которые от-

личаются наибольшей лирич- ностью, и, читая перед ауди- торией, не стыжусь тех чувств и тех волнений...

— Да, но вы читаете свои произведения и уезжаете, а я должна прочесть и остаться.

Зал взорвался молодым, здоровым хохотом, и мы ре- шили на той шутке, на том хохоте закончить свою встре- чу. Тем более что во дворе давно уже сигнализировал шофер, который должен был увезти меня, — ему предстояло на следующий день уехать куда-то на свадьбу, и эта предстоя- щая свадьба буквально взвинтила его.

Зашли на прощание к ди- ректору в кабинет. Конечно, она засмущалась. Можно бы- ло бы, сославшись на ее сте- снительность, сесть в маши- ну и уехать, тем более что шофер сидит, как на иголках, но ведь настанет день в жизни, когда тебе вдруг вспо- минаться все те случаи, когда ты прошел мимо, и начнешь заново про себя все копать — а действительно ли ты был прав, пройдя в тот день ми- мо?

Директор техникума, чело- век тонкой душевной струк- туры, хорошо читающий не только высказанные, но и не- высказанные мысли, послал секретаршу куда-то, и вот она стоит на пороге, та смуглая девушка с тетрадкой стихов. Стоит хмурая, колючая, уп- рямая, и директор сказал ей:

— Если всему залу не- возможно прочесть свои сти- хи, то одному, может, все- таки прочтешь?

— Одному можно, — сказа- ла девушка, но вас же двое...

Она была очаровательна, стоя у дверей с тетрадкой стихов, сердиться на нее бы- ло просто невозможно. Ди- ректор улыбнулся и тут же куда-то исчез, тем более что техникум здесь называется совхоз-техникум и, помимо учебной части, на его плечах еще и огромное хозяйство. Получив тетрадку, я уселся за длинный стол для совеща- ний, а девушка села на подоконник. Хотя стульев было полно, она с чего-то вдруг решила сесть на под- оконник. Шалости у них, у поэтов, верно, в крови — еще Николай I это заметил. Стоило ему с Пушкиным за- говорить на равных, как по- эт тут же уселся на его ра- бочий стол. Впрочем, все мы хорошо знаем, во что Пуш- кину обошлась эта шалость, и не императорам жаловать- ся на своих поэтов.

Тетрадь была большого формата, около двухсот стра- ниц. Стихи выписаны акку- ратнейшим почерком, распо- ложены вкусно. Каждое сти- хотворение художественно оформлено в особой манере. Тетрадь носила название, хотя, что я говорю, это не была тетрадь со стихами, это был Сборник. Книга, изда- ная в одном экземпляре, для одного человека, и, может, потому она так и называ- лась: Он.

Шофер на улице отчаянно сигнализировал, девушка сидела на подоконнике и разгляды- вала павлинов, гулявших по двору, у них там много кра- сивых павлинов, а я читал стихи и украдкой разгляды- вал автора. Рослая, этаким мускулистым сгусток сель- ской жизни, она, верно, успе- ла в свои годы и в поле, и на виноградниках нараба- таться. Сидя на подоконни- ке, она прятала за спину ла- дошки со следами мазута — у них было в тот день авто- дело, и она не успела их вы- мыть, спешила на встречу. Надо сказать, что выпускни- ки этого техникума при по- лучении диплома должны в обязательном порядке уметь

той же поэме под названием Он...

— Да кто же этот ваш Он?

Она сказала тихо, печаль- но и бесконечно стойко:

— Мой друг.

На что я возразил, что у каждого из нас есть друзья, но чтобы одаривать друга такими томами стихов... Де- вушка, подумав, добавила тихо, одними кончиками губ:

— Он — это мой люби- мый.

Мне почудилось в этом шепоте какое-то желание поделиться, и, хотя на улице машина совсем охрипла от сигналов, я спросил:

— Не хотите рассказать мне что-нибудь о нем?

Вдруг она перестала стес- няться своих ладошек. Мяг- ко провела ими по колен- кам, как это обычно делают крестьяне, когда хотят унять, руками унять свою великую усталость, затем спросила:

— А зачем вам это?

Я ей сказал, что в этом суть нашей профессии — оста- вляем вдруг свои обжитые дома, свои письменные сто- лы и начинаем странствовать в поисках интересных лю- дей, ярких характеров, ред- ко встречающихся жизнен- ных ситуаций...

Она вдруг увидела опять свои ладошки, чему-то улыб- нулась, хотела что-то расска- зать о странностях этой про- фессии, но в это время совершенно другой человек в ней начал тихо и складно рассказывать о себе, о своей жизни...

Была она родом из какой-то южной деревушки Молда- вии. Родители — простые колхозники, в доме семеро человек детей, и она — стар- шая. Работала в поле, нянчи- ла своих многочисленных братьев и сестренку. И вдруг новая напасть на ее голову. В седьмом классе влюбилась в учителя ботаники. Школа у них в селе маленькая, вось- милетняя. Учителя ботаники долго не было, потом прие- хал молодой биолог. Вошел в класс и сказал: «Доброе утро, ребята». Она ответила вместе со всеми: «Добрый вам день», а про себя поду- мала — это Он.

Как это всегда и всюду бы- вает, она ему писала любов- ные записки, а он делал вид, что понятия о них не имеет. Два года, весь седьмой и восьмой класс, она писала за- писки, на которые не полу- чала ответы, и вместе с тем твердо верила в свое счастье. Училась она хорошо, а уж ботанику и зоологию знала, как никто в школе, надеясь получить пятерку с плюсом. Но молодой биолог пятерок с плюсом никому не ставил, хотя перед экзаменами посо- ветовал ей куда-то посту- пить...

Куда Он советовал ей по- ступать, она не помнила, потому что голова, и сердце, и все ее существо буквально сотрясались от любви. Ей надоело быть его ученицей и называть его по имени-оте- честву, она жаждала дорвать- ся до его простого, уменши- тельного, ласкательного име- ни. Дождавшись получения свидетельства, она кинулась по деревне искать его, чтобы сказать ему, что никуда она не ступать не собирается — либо соединит с ним свою жизнь, либо ляжет в могилу. Ничего другого она не хочет.

А его не было. Обегала всех знакомых, у которых он бывал, трижды в тот вечер заходила в клуб, а его все нет, и в полночь, когда она, убитая горем, возвращалась домой, от вишни, что растет у ворот их дома, отделился человек и пошел ей навстре- чу. Потому и цикл стихов так называется «Вишня у моих ворот». Это был, конеч- но, Он.